

К чему ворошить дела давно минувших времен? В прошлом ничего уже не изменишь, что было — то было. Надо жить настоящим. И будущим!

Но какое будущее уготовано тем, кто не хочет помнить прошлого?

Сегодня мы напомним себе о великой Российской империи, за многие века созданной поколениями наших предков — и сгинувшей за считанные дни.

Февральская революция 1917 года. В этом событии, как в зеркале, могут увидеть себя, практически в любые времена, представители всех без исключения слоев общества: и те, кто управляет страной, и предприниматели, и интеллигенция, и обыватели, и молодежь, и Церковь, и деятели культуры. Зеркало это некомплементарно. Зато оно честно.

События Февральской революции беспощадно свидетельствуют, до чего мы сами способны довести нашу страну. Наглядно показывают, что — из самых лучших побуждений — мы можем натворить в России и для самих себя, и для будущих поколений.

Что мы знаем о Февральской революции? «Долой царя!», «Да здравствует народ!», «Свободу!», «Хлеба!», «Земля и Воля!». Очевидно: свободы в стране отсутствовали, земли у крестьян не было, народ жил ужасно. Что и подтверждается еще совсем недавно изданными школьными и вузовскими учебниками истории: «Жизнь в России характеризовалась нищетой, отсталостью, тяжелым гнетом самодержавия, военной разрухой»¹.

Но действительно ли все было именно так? Не праздный вопрос.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III
ДЕРЖАВНОМУ ОСНОВАТЕЛЮ
ВЕЛИКАГО СИБИРСКАГО ПУТИ

II

ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Как известно, февральские события 1917 года начались с демонстраций в Петрограде. Кто же вышел на улицы? Нищие пролетарии? Ничего подобного! Вышли работники элитных оборонных заводов, чьи зарплаты были сопоставимы (например, на Путиловском заводе) с зарплатами их коллег, скажем, во Франции или Германии². Голодные крестьяне? Снова — нет. На улицы столицы с лозунгами «Хлеба!» высыпали вполне благополучные столичные обыватели.

Российская империя была единственной из стран-участниц затянувшейся Первой мировой войны, где в общегосударственном масштабе не вводились продовольственные карточки. Были, правда, ограничения (и то на местном уровне, без санкционирования центральной властью), например на сахар. Но с единственной целью, чтобы не гнали самогон: с 1914 года в России действовал сухой закон.

Жестких ограничений на продукты, подобных тем, какие действовали в основных воюющих странах, и даже в нейтральной Швеции, в России не было³.

А что касается хлеба, то, несмотря на кратковременные и загадочные перебои со снабжением в столице (к чему мы отдельно обязательно вернемся), к началу 1917 года запасы муки и зерновых в России составляли более 400 миллионов пудов. Этого с лихвой хватало на потребности и армии, и населения, да еще и избыток составлял 197 миллионов пудов⁴.

Так что даже в условиях тяжелейшей мировой войны вечно всем недовольный российский обыватель жил в общем-то совсем неплохо. Что он оценит буквально в ближайшие месяцы после Февраля.

«ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ!»

Все мы со школьной скамьи помним этот знаменитый лозунг.

Кому же к 1917 году в Российской империи принадлежала земля? Она принадлежала — крестьянам.

Выдающийся русский экономист профессор Александр Васильевич Чаянов (кстати, принимавший активное участие в Февральской революции), подводя итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, констатировал, что почти 90% пашенных земель в европейской части России были крестьянскими⁵. А за Уралом, то есть по всей азиатской части России, в собственности крестьян находилось — 100% пашенных земель! Император Николай II в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы в 1906 году передал на нужды крестьян-переселенцев «кабинетские» (т.е. находившиеся в собственности российской короны) плодородные земли на Алтае.

Итак, сельскохозяйственные земли в Российской империи по большей части принадлежали именно тем, кто на земле трудился. Для сравнения: в оплоте европейской и мировой демократии — Великобритании — процент земельной крестьянской собственности равнялся 13%.

Все остальные земли принадлежали лендлордам и частным землевладельцам. Крестьянам-фермерам за аренду пахотных земель необходимо было платить⁶.

А кому принадлежал скот в Российской империи? Полагаю, что некоторые из наших читателей уже догадываются, что коровы, лошади, овцы также по большей части принадлежали крестьянам. Уже в советское время, в 1928 году, профессор Александр Николаевич Челинцев приводит следующие цифры: в собственности крестьян в 1916 году коров было — 94,2%; лошадей — 93,8%; свиней — 94,9%; овец — 94,3%⁷.

Как мы знаем, вскоре все это было «коллективизировано». С обобществлением земли, скота, голодомором и миллионами жертв.

До 1917 года Россия была передовой сельскохозяйственной державой мира. За время правления Николая II, с 1894 по 1917 год, сбор зерновых по стране вырос в полтора раза. Что это означало? Например, Российская империя ежегодно собирала урожай зерновых, на треть превосходивший урожаи важнейших экспортеров зерна в мире — Соединенных Штатов Америки, Аргентины и Канады. Вместе взятых⁸.

Пастушок

По поголовью скота (в пересчете на крупный рогатый скот) Россия немного уступала США. Но опережала десять самых богатых стран Европы. И тоже — вместе взятых⁹. Равным образом и по многим другим показателям мы занимали лидирующие позиции в мировом сельском хозяйстве.

Крестьян-
ская семья

Средний размер крестьянского хозяйства в европейской части России — 4 десятины (4,4 га)¹⁰ — в разы превышал наделы западноевропейских крестьян. А за Уралом земли у крестьянина было и того больше. Во Франции этот показатель составлял 2 га, в Германии — 1,8 га, в Италии — 1,1 га.

Настоящей проблемой было не малоземелье, а слабая механизация и низкая урожайность. В среднем русский крестьянин собирал с гектара 8 центнеров зерна. В Соединенных Штатах урожаи были немногим больше — 10 центнеров с гектара. Во Франции — 12. Не такая уж огромная разница, учитывая различие в климате. Но вот в Германии собирали 21 центнер

Крестьянские дети

Крестьянская семья за столом

с гектара! А это уже серьезное отставание¹¹. Но и здесь все не стояло на месте. Внедрялась техника, удобрения, достижения агрономии. За счет казны создавались парки сельскохозяйственных машин. Все эти меры были рассчитаны на годы вперед — и неминуемо дали бы плоды. А после массового внедрения тракторов и удобрений от пресловутой низкой урожайности не осталось бы и следа.

О реальной стабильности сельского хозяйства

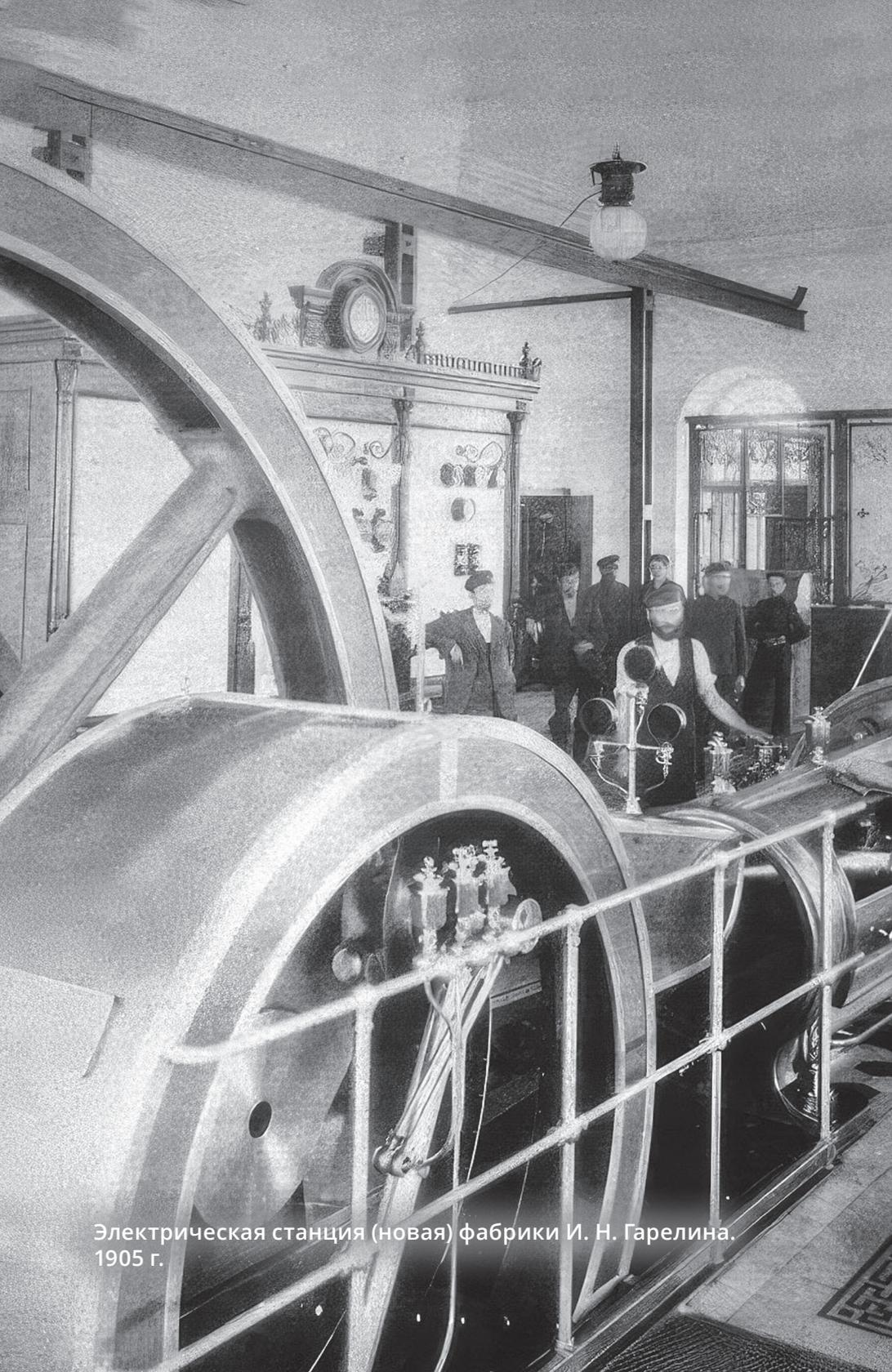
в предреволюционной России говорят не только картины поразительного изобилия, отраженного в живописи, литературе и фотографии того времени. О профессионально проработанной сельскохозяйственной политике царского правительства в период Первой мировой войны, когда на фронт было мобилизовано пятнадцать миллионов человек, свидетельствует тот факт, что серьезных проблем с продовольствием в Империи не было. А ведь

Крестьянская семья на празднике

воевать ушли в основном труженики-крестьяне. В Германии и Австро-Венгрии в это же время разворачивалась самая настоящая трагедия: там за время войны от голода умерло более миллиона человек¹². Взрослый немец в тылу получал около 230 граммов печеного хлеба в день¹³ — меньше, чем рабочий в блокадном Ленинграде (250 граммов), вчетверо ниже прожиточного минимума.

Поразительно, но при этом количество активно протестующих в благополучной России — забастовщиков, стачечников, демонстрантов — было на 1916 год почти в семьдесят раз больше, чем в Германии¹⁴. Интересно, правда?

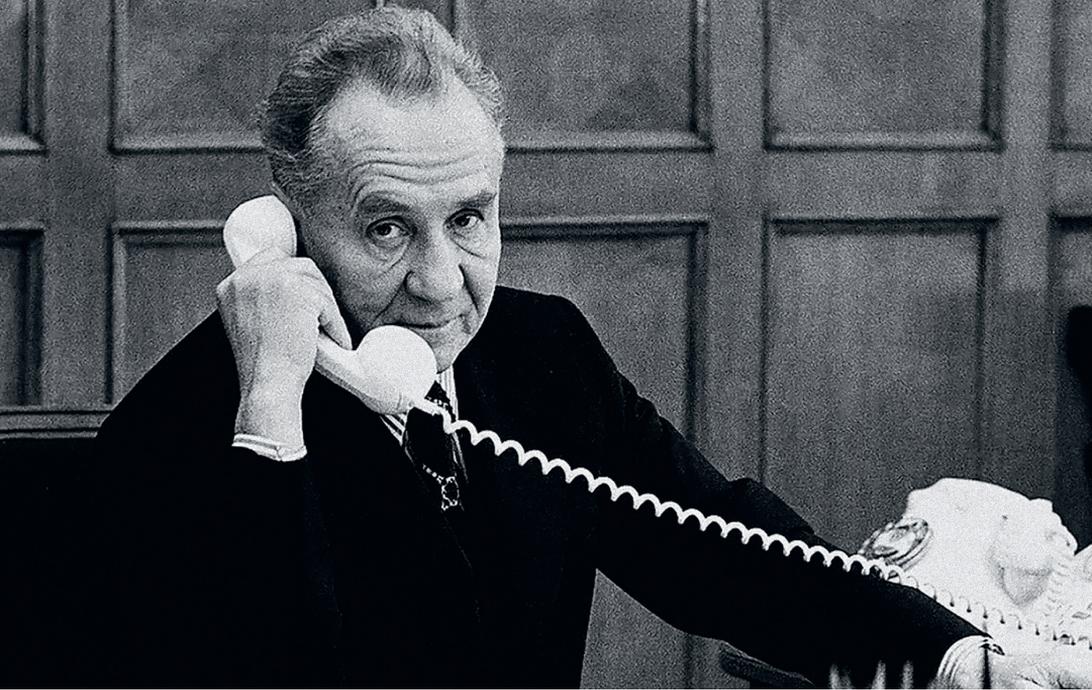
Электрическая станция (новая) фабрики И. Н. Гарелина.
1905 г.

«ФАБРИКИ — РАБОЧИМ!»

Естественно, фабрики рабочим не принадлежали. Как не будут принадлежать и после Февраля, и при советской власти, и в наши благословенные времена. Если отбросить демагогию, то фабриками и заводами в царской России, как и в других странах, владели либо предприниматели, либо государственные структуры. Но означает ли этот факт, что рабочие прозябали в нищете и бесправии?

Как было известно всем советским школьникам (не знаю, что сейчас), революции происходят, когда налицо «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹⁵. Угнетенные классы, по Ленину, — это рабочие и крестьяне. Давайте познакомимся с положением дел в семействе одного такого «угнетенного» петроградского рабочего, нужды и бедствия которого к февралю 1917 года превзошли все возможные пределы.

Это семья Николая Ильича Косыгина, отца Алексея Николаевича Косыгина, выдающегося государственного деятеля Советского Союза, председателя Совета министров СССР. В конце 1960-х А. Н. Косыгин должен был выступить с докладом на очередном

А. Н. Косы-
гин

съезде партии. В идеологическом отделе ЦК КПСС Косыгину подготовили тезисы. Из них Алексей Николаевич с изумлением узнал, что советский рабочий сегодня живет в восемь раз лучше, чем рабочий в Российской империи в 1913 году.

Дом, в котором жила семья Косыгина

По воспоминаниям близких, А. Н. Косыгин был, мягко говоря, удивлен. В семейном архиве хранилась расчетная книжка отца, токаря на петроградском заводе № 1 акционерного общества «Г. А. Лесснер». Что же в ней было зафиксировано?

За январь 1917 года токарь Н. И. Косыгин

заработал 146 рублей. За февраль — 190 рублей. За март — 171 рубль. Дальше в таблице идут суммы выше трехсот и даже четырехсот рублей, правда они относятся уже к периоду инфляции послереволюционного времени.

Как же можно было существовать в Петрограде перед революцией на такие деньги? Семья Косыгиных жила только на зарплату отца, мать не работала. Они занимали трехкомнатную квартиру на Большой Вульфовой улице на Петроградской стороне (ныне улица Чапаева), очень неплохой район, дом — сами оцените по фотографии. Детям дали отличное образование. У Косыгиных была прислуга. Хотя семья токаря не шиковала, но жилище было обставлено добротной мебелью. Косыгины могли позволить себе качественное питание, хорошую одежду, обувь. А по воскресеньям всей семьей ходили в театр.

Глава советского правительства заявил домашним, что ему, Алексею Николаевичу Косыгину, недостает

Семья токаря завода «Г. А. Лесснер» Николая Ильича Косыгина. Сын Алексей справа

воображения, чтобы представить себе советского рабочего, зарабатывающего в 1970 году в восемь раз больше, чем его отец в дореволюционном 1913-м¹⁶. Разумеется, предложенный идеологическим отделом ЦК бред Косыгин вставлять в свой доклад не стал.

Но это в столице. А что же в провинции?

Вот пример семьи еще одного известного дореволюционного рабочего царской России — Никиты Сергеевича Хрущева. В воспоминаниях, изданных в постсоветское время, Н. С. Хрущев сообщал: «В том районе Донбасса, где я трудился (слесарем на шахте в Юзовке — м. Т.), до революции жили лучше, даже значительно лучше. Например, в 1913 году я лично был обеспечен материально лучше, чем в 1932 году, когда работал вторым секретарем Московского комитета партии»¹⁷.

Слесарь
с шахты
Юзовка
Никита
Хрущев
с женой

